

ОКСАНА ДАНИЛЕНКО,

кандидат социологических наук, докторант
Харьковского национального университета
им. В.Н.Каразина

Роль качественных методов в исследовании социальных конфликтов

Abstract

Conjoint solution of measuring methodological problems by conflictology and qualitative sociology are grounded in the article. Particular significance of text information in conflictological interpretation practice is proved with reference to measuring of conflictness peculiarities analysis concerning on each of the main strategies of qualitative research (case study, grounded theory, biographic method, oral history and ethnographic research). New techniques of conflictological expertise designed on the base of linguo-conflictological approach to socio-communicative processes research are proposed. Research methodology of conflict meta-language construction and expediency of one are grounded. Narrative-conflictological content-analysis methodology with reference to identities measuring (including processes of new identities forming and revealing their conflict potential) is also grounded and expediency of one is substantiated.

При исследовании социальных конфликтов мы неизбежно сталкиваемся с различными образами конфликта, запечатленными в текстах. Учебники истории и публицистика, средства массовой информации и художественная литература, повседневные разговоры и научные издания — все эти источники информации отображают специфические нарративы о конфликте, зачастую противоречащие друг другу. В нарративах о конфликте (под нарративом мы понимаем “последовательность взаимосвязанных социальных действий, представленных в повествовательной форме, которые генерируют появление специфического события” [1, с.91]) фиксируются различные представления о конфликте, за которыми кроются различные варианты ценностной интерпретации ситуации. При этом значение имеет не только то, что сказано, но и то, как это сказано — семантические, семиотические, когнитивные, интенциональные и другие характеристики нарративов о конфликте становятся фак-

торами конструирования социальных изменений, лингвистически моделируют предпочтительные стратегии управления конфликтами. Кроме того, конфликт является ситуацией неопределенности, поэтому в нем оказываются доминирующими различные нерациональные моменты. В связи с этим необходима комплексная конфликтологическая экспертиза, при реализации которой используется совокупность различных методов, причем особое значение приобретают практики интерпретации текстовой информации. Не умаляя достоинств количественных методов, в особенности уже апробированных модификаций количественного контент-анализа (например, компьютерный контент-анализ, специально адаптированный к анализу конфликтных ситуаций [2], а также косвенно фиксирующий агрессивные характеристики текста при компьютерном моделировании воздействия текстов на человека [3]), и учитывая опыт качественно-количественных подходов к анализу текстов средств массовой коммуникации (роль ценностей и символов в текстах СМИ [4], анализ “языка вражды в предвыборной агитации и вне ее” [5] и др.), обратим особое внимание на роль качественных методов в исследовании социальных конфликтов, выявляя возможности их взаимодополнения при разработке технологий управления конфликтами.

Обоснование перспективности совместного решения методологических проблем измерения в конфликтологии и качественной социологии, а также описание специальных методик конфликтологической экспертизы на основе лингвоконфликтологического подхода к исследованию — основные цели статьи.

Стратегии качественного исследования в измерении конфликтности

В “качественной социологии” выделяются следующие типы исследования в соответствии с характером исследовательской практики: этнографическое, кейс-стади, восхождение к теории, устная история, история жизни [6], в некоторых работах добавляется также история семьи (см., напр.: [7]). В рамках каждой из этих тактик существуют различные возможности исследовательской интерпретации проблемы социальных конфликтов.

Метод кейс-стади (case study) применяется преимущественно при изучении локальных конфликтных процессов, например проблемы забастовок и конфликтов на предприятиях [8]. Кроме того, в центре внимания кейс-стади — “сконцентрированное, хронологически детальное описание развития одного экстремального события в жизни сообщества и его последствий” [7, с. 83]. В качестве такого события может рассматриваться конфликтно-экстремальная ситуация, а также сопряженные с ней события и последствия. Основной целью кейс-стади является описание и анализ определенного случая и выработка конкретных рекомендаций для решения возникающих в его пределах проблем, что вполне применимо и к анализу конфликтных ситуаций. Кейс-стади, например, позволяет сформировать банк данных с описанием различных конфликтных ситуаций и вариантов реагирования на конфликт.

При реализации тактики история жизни, проведении исследований посредством применения биографического метода проблема конфликта не является заглавной, в центре внимания, — прежде всего “изучение течения

всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее встроенности в социум, субъективного управления и приобретенного опыта” [9, с.6], однако определенные повороты жизненного пути во многом определяются влиянием различных конфликтов (как конфликтов макро- и мезоуровня, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности общества, так и конфликтов микроуровня, возникающих под воздействием социальных трансформаций). Одним из определяющих факторов формирования жизненных стратегий является ценностный мир и связанные с ним ценностные интерпретации конфликтных ситуаций. В связи с этим подход к интерпретации текстового материала с позиций аксиологии конфликта [10] раскрывает дополнительные интерпретативные возможности качественных методов. Преимущество аксиоконфликтного подхода к анализу биографического материала сопряжено также с тем, что биографический метод ориентирован, прежде всего, на исследование поведения людей с точки зрения “институционального регламента”, а этот регламент, с одной стороны, сам является предпосылкой к возникновению конфликтов (между личностным и социальным, внешним и внутренним контуром восприятия индивидуальной биографии), а с другой стороны, зависит от социальных конфликтов, являющихся важнейшим фактором его изменения. Таким образом, при интерпретации текстового материала, полученного в результате биографического исследования, актуализируются такие методы качественного анализа текстов, которые включают аксиоконфликтные индикаторы.

Непосредственно связана с биографическим методом и методологически ему близка тактика *oral history*, или устной истории. “Ближайшая к социально-научному биографическому методу *Oral History* в исторической науке делит с ним интерес к “субъективным” свидетельствам (а также многие методические шаги), но различается горизонтом доминантных вопросов, который — при всем интересе к биографиям и микросоциальным структурам — остается историей коллектива” [11, с.13]. Выбор тактики устной истории, “описывающей субъективный опыт переживания исторических событий” [7], дает возможность описать субъективный опыт переживания социально значимого конфликта, сравнив выявленные нарративы о конфликте [12], различные образы конфликта, стоящие за этими нарративами, с официальными и “легитимными” нарративами о конфликте (отображенными в учебниках истории, средствах массовой информации и т.п.). Кроме того, используя тактику *oral history*, можно проследить историю становления различных движений и организаций, являющихся субъектами интересующего нас конфликта, и, сравнив полученные эмпирические данные с информацией из других источников, составить более полное представление о субъектах конфликта в их динамике. Устная история позволяет также использовать уникальный опыт личностного переживания определенных событий истории для выявления специфических характеристик конфликта: например, определение характеристик языка конфликта претоталитарных обществ, анализ коммуникативных практик, отображающих типовые стратегии конфликтного поведения в период революционных преобразований. Диапазон анализа при этом крайне широк: от революции 1917 года (конфликты которой могут анализироваться через воспоминания и дневники современников) до “бархатных революций” в современной Восточной Европе (поиск

аналогий, типичных, повторяющихся и уникальных проявлений конфликтности, анализ различных вариантов реагирования на конфликт и т.д.).

Тактика восхождения к теории (*grounded theory*) “состоит в рассмотрении конкретной жизненной ситуации как формы проявления определенного феномена, который подлежит теоретизированию — обобщенному абстрактному представлению в виде теоретического утверждения или гипотезы относительно данного феномена, наблюдаемого в реальной практике” [7, с. 97]. Данная тактика методически близка к кейс-стади, некоторые исследователи даже называют ее “теоретизирование случая” или “построение теории случая” [13]. Применение этой тактики позволяет не только создать банк информации, включающий описание уникальных и типичных проявлений конфликтности в определенных социальных ситуациях (что может быть сделано и в рамках кейс-стади), но и обобщить, систематизировать эти проявления, доработать на основании полученного эмпирического материала существующие динамические модели конфликта: например, найти способы включения нового знания об иррациональных проявлениях конфликтности в имеющиеся теоретические конструкции, разработать новые модели конфликта, обобщающие особенности различных коммуникативных стратегий и пр.

Этнографическая тактика представляет собой “всесторонний анализ каждодневной коллективной практики определенной общности с точки зрения ее культуры (нормы, традиции, ценности, язык, мифы)” [7, с. 85]. Применительно к конфликту эта исследовательская тактика позволяет выявить характеристики языковых коммуникативных стратегий, характерных для определенных социальных групп, общностей, выявить особенности влияния языка конфликта на развитие и решение конфликтных ситуаций, на его остроту и возможности завершения. Именно этнографическое исследование раскрывает дополнительные возможности исследования особенностей “языка конфликта” различных молодежных субкультур или же различных национально-этнических общностей. При этом может быть проведено специальное качественное исследование проблемы конфликтов, но ценный конфликтологический материал дает и вторичная интерпретация эмпирических данных качественных исследований. Так, например, работа “Современный городской фольклор” [14] содержит материалы этнографического исследования традиций субкультур, ритуалов и обрядов современного города, жанрового состава вербального фольклора, картины городского пространства и речевого обихода горожан [14, с. 20]. Множество “живых” текстов, сопровождающих описание городского фольклора, может быть проанализировано как определенный пласт повседневных практик коммуникации с позиций конфликтологического знания. Проведение конфликтологической интерпретации позволяет выявить типичные варианты реагирования на конфликт в различных коммуникативных ситуациях (и применительно к различным социальным группам и субкультурам). Благодаря этому обнаруживается наличие отображенных в городском фольклоре характерных особенностей и правил коммуникативного поведения, нарушение которых приводит к “несанкционированному” и неинституционализированному проявлению конфликтности. Появляется возможность изучения новых полей конфликтности на основе анализа современного фольклора, а также различных способов предотвращения и снятия конфликтных си-

туаций через использование стандартных фольклорных элементов в речевом поведении. Все это служит важным компонентом осуществления конфликтологической экспертизы, позволяя прогнозировать возможные всплески разрушительной конфликтности, а также выбирать наиболее эффективные варианты реагирования на конфликт с учетом коммуникативных характеристик его участников.

Анализ материалов качественных исследований, а также личных исследований наблюдений “социологов-качественников” по поводу особенностей сбора социологической информации и связанных с этим комментариев исследователя процесса (см., в частности: [6; 7; 9; 13; 15; 16]) позволяет заметить, что применение качественной стратегии не только создает дополнительные возможности изучения конфликта, но и позволяет рассматривать сам конфликт как познавательное средство, расширяя границы качественных исследований различных явлений и процессов социальной жизни. Например, при проведении биографических интервью фиксируется ряд особенностей поведения информантов [15], в том числе речевого поведения, которые мы можем рассматривать как знаки скрытых конфликтов: возникновение “фигур умолчания” в нарративных интервью, уход от темы, отказ (явный или косвенный) от комментирования определенных ситуаций, явное предпочтение местоимений именам собственным и существительным при назывании некоторых из участников событий, описанных в интервью (например, один из респондентов в ходе интервью, рассказывая о школе, учителей называл исключительно “они” [15]), специфика лексики по отношению к различным участникам жизненных событий и т.п. Интерпретация всех этих проявлений, которые условно можно назвать “знаками конфликтности”, остается пока нерешенной задачей в поле качественной социологии.

“Знаки конфликтности”, косвенно проявляющиеся в процессе сбора социологической информации, могут получить дополнительную интерпретацию благодаря привлечению именно конфликтологического знания. При этом характер реагирования на конфликтную ситуацию позволяет лучше понять ценностный мир исследуемых, а рассмотрение особенностей рассказа о конфликте как нарратива о конфликте позволяет выявить связь конфликта с социальными трансформациями. Для обобщения этих моментов целесообразно обратиться к тактике восхождения к теории. И здесь вновь проявляется перспективность совместного решения методологических проблем измерения в русле конфликтологии и качественной социологии.

Важным методологическим вопросом, требующим специального исследования, является расшифровка особенностей грамматических и лексических характеристик как формы передачи конфликтного, равнодушного или солидарного отношения. В определенной мере это перекликается с психоаналитическими практиками интерпретации, но не сводится к ним, так как заглавным является социокультурный контекст развертывания событий в пространственном и временном континууме. В большей мере, чем психоанализ, ключи к расшифровке существующих грамматических форм дает грамматический метод Ойгена Розенштока-Хюсси, адаптированный к технологиям исследования и разрешения современных социальных конфликтов [17]. Все эти и другие подходы включаются в интерпретационное поле лингвоконфликтологического анализа, и в частности конфликтологическо-

го контент-анализа как одного из ключевых его компонентов. Конфликт выступает как дополнительный код, а нарратив о конфликте — как своего рода “открытый код”, как “текст для прочтения текста” (в терминологии М.Мардашвили [18]).

Таким образом, особенности качественных методов анализа социальных конфликтов проявляются преимущественно не на этапе сбора информации (сочетание различных способов получения информации о конфликте является не только желательным, но и необходимым), а на этапе ее интерпретации — здесь требуется специальный инструмент анализа конфликтности. Учитывая, что “в качественной социологии практически все методы сбора информации (и наблюдение, и глубинные интервью) приводят к появлению текстовой информации, подлежащей непосредственному анализу как письменный документ” [7, с.108], особое значение приобретают социологические методы анализа текстов. Информация о конфликте в результате проведения качественного исследования также предстает перед нами в виде различных текстов, что актуализирует поиск новых возможностей конфликтологического анализа текстовой информации или адаптации существующих методов, методик и техник анализа текстов к исследованию проблемы конфликтов.

Предлагаю специфические модификации практик интерпретации текстовой информации применительно к исследованию проблемы социальных конфликтов: **нарратив-конфликтологический контент-анализ и составление карты метаязыка конфликта.**

Нарратив-конфликтологический контент-анализ

Анализ социологической литературы позволяет заметить определенную противоречивость в определениях контент-анализа и расхождения в методологических принципах, лежащих в основе различных модификаций исследовательских процедур. Не останавливаясь подробно на сопоставлении определений и моделей контент-анализа (всесторонний анализ этой проблемы можно найти в: [4; 19 и др.]), отмечу, что придерживаюсь трактовки, согласно которой контент-анализ не противопоставляется традиционному анализу как количественный подход качественному, а рассматривается как качественно-количественный метод анализа текстов. Причем для анализа конфликтов особенно важна именно качественная составляющая, так как это позволяет приблизиться к исследованию влияния иррациональных (когнитивно-волевых, эмоциональных и пр.) факторов на возникновение, развитие и снятие конфликтно-экстремальных ситуаций. Кроме того, конфликтологический контент-анализ реализуется как интерпретативная практика, не ограничивающаяся только конфликтными процессами, а измеряющая конфликтный потенциал различных коммуникативных процессов и раскрывающая возможности не только исследования конфликта, но и использования конфликта как познавательного средства.

В основе конфликтологического контент-анализа — сочетание морфологического подхода с фиксацией качества конфликтных структур по ряду критериев (ценностные ориентации и наличие деструктивных тенденций; степень жесткости выражений и формулировок; роль символов и метафор в создании гармоничных или конфликтных образов; субъективное “чувство”,

“ощущение” текста; наличие призывов и их направленность; наличие смысловых противоречий по тексту; эмоциональная насыщенность и ее знак и пр.). Морфологический подход позволяет выявить повторяющиеся структурные элементы. Это отображает формальный подход к тексту (в отличие от количественного подсчета смысловых единиц в традиционной и наиболее распространенной схеме количественного контент-анализа). При осуществлении конфликтологического контент-анализа в качестве ключевых структурных элементов необходимо рассматривать конфликтные структуры в тексте, которые, хотя и фиксируются количественно, все-таки наибольшее значение имеют как носители определенных качественных характеристик. Поэтому уровень конфликтности текста будет определяться не только и даже не столько количеством конфликтных структур, сколько их интенсивностью, а деструктивный или позитивный потенциал конфликтности — посредством соотнесения ценностных ориентаций, заложенных в тексте со шкалой гармоничных ценностей. Кроме того, при осуществлении конфликтологического контент-анализа необходимо измерить иррациональные составляющие конфликта, что можно реализовать, выявляя конфликтные образы, символы, метафоры (аналогично тому, как в текстах сказок структурный каркас, составляющий морфологию сказки [20] и повторяющийся от сказки к сказке с небольшими модификациями композиционной модели, наполняется жизнью и разнообразием благодаря символам, образам, личностным характеристикам героев, метафорам и пр.).

При осуществлении конфликтологического анализа текста “качество” символа, его “нагруженность” конфликтным подтекстом (которую можно выявить лишь во взаимосвязи и соотнесении с другими элементами текста и с социокультурным контекстом) имеет большее значение, чем количество обнаруженных явных конфликтных символов и знаков в тексте. Порой одного конфликтного символа и сопряженных с ним знаков конфликтности бывает достаточно для фиксации предпосылок проявления деструктивной конфликтности.

Для изучения процесса социальных трансформаций в лингвоконфликтологическом аспекте целесообразно проведение качественного контент-анализа. Исследовательскую тактику его реализации можно обозначить как **нарратив-конфликтологический контент-анализ**, в процессе осуществления которого выявляются и изучаются различные рассказы о конфликте, характеризующие определенный источник. Затем эти нарративы сравниваются, отслеживаются их изменения, рассматривающиеся как отображение настоящих и предпосылки будущих социальных изменений.

Как известно, одной из важнейших характеристик нарратива в рамках структурной нарратологии является “событийность” [21]. При этом понимание событийности непосредственно связано с изменениями, в том числе социальными изменениями [21, с.13–15]. В.Шмид, разрабатывая и обосновывая основные концептуальные положения “Нарратологии”, называет следующие условия, выполнение которых является показателем “полноценной событийности в нарративном тексте”: 1) релевантность изменения (событийность повышается по мере того, как то или иное изменение рассматривается как существенное в масштабах данного фиктивного мира); 2) непредсказуемость (событийность изменения повышается по мере его неожиданности; событие в эмфатическом смысле подразумевает некую парадоксальность);

3) консекутивность (событийность изменения зависит от того, какие последствия в мышлении и действиях субъекта оно несет за собой); 4) необратимость (событийность повышается по мере того, как понижается вероятность обратимости изменения и аннулирования нового состояния); 5) неповторяемость (изменение должно быть однократным) [21, с.15–18]. Наличие определенных характеристик нарратива в сочетании с характеристиками структурно-динамической модели конфликта позволяет четко определить границы нарратива о конфликте при выделении его из текста.

Какие конфликты и их описания выбрать в качестве предмета исследования и почему? Целесообразно проанализировать те конфликты, отображенные в истории развития общества, которые, во-первых, связаны с современными конфликтами (отображая их истоки, историко-культурные предпосылки или одну из фаз циклического развития) и, во-вторых, сопряжены с конфликтом интерпретаций. Например, при анализе нарративов о конфликте, отображенных в учебниках истории СССР, Украины, России и Беларуси, целесообразно выделять в качестве объектов анализа такие события, как “Переяславская рада”, “Революция 1917 года” и “Великая Отечественная война”, поскольку они вызывают наибольшие дискуссии, что связано с происходящими социальными изменениями, а также с “конструированием” новой истории.

Процедура нарратив-конфликтологического анализа предполагает следующие этапы:

1. Выбрать событие (или события), освещение которого сопряжено с конфликтом интерпретаций.
2. Выявить источники, отображающие различные варианты интерпретации событий и выстраивающие различные нарративы о конфликте, связанные с этим событием.
3. Определить по каждому источнику, какие конфликты называются в связи с освещением этого события и как они характеризуются.
4. Структурировать каждый из нарративов о конфликте в соответствии со структурно-динамической моделью конфликта применительно к каждому из выбранных источников.
5. Определить тип структурной модели каждого из нарративов.
6. Посредством сопоставления нарративов о конфликте сравнить описания одного и того же события в различных источниках (названия событий, их различия, в том числе с точки зрения оценочного наполнения; различия в оценке события и сопряженных с ним конфликтов и пр.).
7. Определить согласованность или противоречивость различных нарративов.
8. Сопоставить изменение в нарративах о конфликте с изменениями эпохи, к которой принадлежит источник.
9. Выявить предпосылки формирования определенных предубеждений и стереотипов (например, этнических, расистских, гендерных и др.) посредством специфического описания конфликтных ситуаций.
10. Выявить конфликт нарративов как отображение конфликта идеологий или предпосылку потенциальной конфликтности.

Дополнительные грани исследования этой проблемы могут быть выявлены посредством сопоставления образовательного дискурса (как внешне-

го контура интерпретации, изменение которого в большей степени связано с доминирующей идеологией) и повседневного дискурса (как внутренней грани интерпретации, в большей степени связанной с непосредственной коммуникацией как способом освоения определенных знаний). Образовательный дискурс может быть изучен посредством нарратив-конфликтологического анализа источников, официально одобренных и рекомендованных для обучения в образовательных учреждениях определенного государства. Повседневный дискурс исследуется через погружение в повседневность и повседневную речь посредством устной истории как исследовательской тактики с акцентированием внимания на рассказах о конфликтах, а также посредством углубленных интервью по интересующим проблемам (как называют и оценивают определенные исторические события, какие видят за ними конфликты представители различных социальных и возрастных групп; как изменились понимание и интерпретация этих событий). Все это может послужить существенным индикатором для определения векторов современных социальных изменений.

Нарратив-конфликтологический контент-анализ позволяет решить следующие задачи: 1) выявить взаимосвязь между определенными характеристиками нарратива (и динамикой его изменений) и характеристиками эпохи, к которой принадлежит источник, а также характеристиками последовавшей затем эпохи, что позволяет определить, какие нарративы и их изменения свидетельствуют о грядущих изменениях (или даже провоцируют сдвиги) в сторону тоталитаризма или демократизации в государственном устройстве; признания полиэтничности или этноцентрированности; распада или объединения определенных элементов социальной структуры; индивидуализма или коллективизма в общественном сознании и т.д.; 2) зафиксировать, какие ключевые конфликты интерпретаций характеризуют переход от одной к другой идеологической системе; 3) экстраполировав выявленные закономерности на современные изменения нарративов, обозначить некоторые важнейшие тенденции дальнейших социальных изменений.

Построение карты метаязыка конфликта

Целесообразность построения карты метаязыка конфликта обусловлена дополнительными возможностями измерения идентичностей, в том числе процессов формирования новых идентичностей и выявления их конфликтного потенциала, что позволяет определить потенциальные группы, с которыми, например, представители определенного этноса готовы солидаризироваться либо категорически не согласны. Это проявляется и в лингвистическом конструировании образа врага или в наличии объединяющей идеи конфликтного или созидательного характера, общей истории, имеющей объединяющее значение или, наоборот, служащей фактором, провоцирующим конфликтность в ситуации социальных изменений.

Язык конфликта понимается как семиотическая система, обладающая свойством маркировать и передавать определенный уровень конфликтного потенциала, который может быть оценен по шкале «конфликт–согласие». Язык конфликта имеет определенные нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой рассматривается язык конфликта.

В основе методологии интерпретации информации — морфологический подход В.Проппа [20], грамматический метод О.Розенштока-Хюсси [22] и семиотический подход к анализу метаязыка культуры Ю.Лотмана [23] (речь идет о метаязыке типологических описаний культуры), а также идеи П.Бергера и Т.Лукмана о механизмах конструирования социальной реальности [24].

В грамматическом методе Ойгена Розенштока-Хюсси принципиально важными являются механизмы взаимосвязи изменений языка и социальных изменений, ценностных и речевых ориентаций, а также методологическая структура грамматического метода: “Грамматический метод — это путь, на котором человек осознает свое место в истории (позади), мире (вовне), обществе (внутри) и судьбе (вперед). Грамматический метод дополняет и развивает, таким образом, саму речь, ибо, хоть речь и задавала человеку направление и на века сориентировала его в том, что касается его места во вселенной, сегодня требуется дополнительное осознание этой направляющей и ориентирующей силы” [22, с.21]. Именно эта структура определяет сегменты карты метаязыка конфликта.

При разработке инструментария особое значение имеет исследовательский потенциал работ по построению карты метаязыка поколения в качественной социологии (В.Семенова и др.) и методологические принципы, а также процедура исследования процессов идентификации в социальном пространстве “своих” и “несвоих” (В.Ядов, Е.Данилова, О.Оберемко и др.) [25; 26; 27].

Построение карты метаязыка конфликта (КМК) предполагает фиксацию характеристик языка конфликта. Важным источником информации при этом является проведение углубленных проблемно ориентированных интервью с экспертами, что позволяет получить нарратив о различных событиях, связанных с конфликтом интерпретаций или с реальными конфликтными столкновениями. Нарративы о конфликтах являются основным эмпирическим материалом при построении КМК. В нарративах фиксируются различные образы конфликта, за которыми кроются различные варианты ценностной интерпретации ситуации. При этом семантические, семиотические, когнитивные, интенциональные и другие характеристики нарративов о конфликте лингвистически моделируют предпочтительные стратегии управления конфликтами.

В интервью представлены два основных блока, ориентированных на построение основных сегментов КМК в таких координатах:

Внутри (свои)

Назад (история)

Вперед (конструирование реальности)

Вовне (чужие)

Познавательный смысл построения карты метаязыка конфликта — взгляд на себя и других, маркировка “своих” и “чужих” через описание конфликтов. Поэтому основным моментом интервью, позволяющим получить эмпирический материал для построения КМК, является стимулирование возникновения нарративов о конфликтах (в первую очередь, значимых для респондента), что осуществляется посредством обращения к событиям истории и современности, связанным с конфликтом интерпретаций. Значи-

мость события для информанта определяет прямое или косвенное включение себя и представителей “мы-группы” в описания, предполагающие возможные варианты определения “своих” и “несвоих” через лингвистические характеристики, а также особенности выбираемых семиотических характеристик, грамматических форм и пр. В нарративах о конфликте, зафиксированных в интервью, невольно проявляется готовность солидаризироваться с одними и отмежеваться от других, уровень доверия, степень враждебности, ценностные и стратегические ориентации, отображенные в речевых ориентациях и т.п. Все эти характеристики фиксируются и вносятся в матрицу для построения КМК на этапе интерпретации информации.

Так, в ходе проведения углубленных проблемно ориентированных интервью следующие вопросы позволяют получить материал, являющийся эмпирической базой для построения сегмента карты метаязыка конфликта “назад — конструирование истории”.

1. “Назовите три исторических события, которые Вы считаете наиболее значимыми. Охарактеризуйте, пожалуйста, каждое из этих событий: участники, значение, “герои” и “антигерои” и т.д.”. Здесь важно получить нарратив — связный рассказ; важно, как называют, как характеризуют сами события и их участников дословно.
2. “Есть ли стереотипы, связанные с этими событиями, которые необходимо преодолеть? Можете ли Вы назвать исторические события, значение которых необходимо переосмыслить. С чем это, по Вашему мнению, связано?”
3. “Существуют разные названия событий октября 1917 года. Как Вы называете эти события? Дайте краткую характеристику этих событий, назовите основных “героев” и “антигероев”. Какое значение имеет это событие для развития государства?”. Формулировка вопроса и выбор событий зависят от объекта и предмета исследования. Вопрос о революции 1917 года является существенным при определении направленности векторов социальных трансформаций, так как этот вопрос является достаточно дискуссионным и при оценке современных преобразований зачастую обращаются к оценке событий октября 1917 года и последовавших за ними социальных изменений.

При ответах на эти вопросы в нарративах об исторических событиях проявляются лингвистические характеристики, которые позволяют маркировать определенные идентичности, увидеть настоящее и будущее через семантические характеристики описания прошлого.

Следующие вопросы иллюстрируют возможности получения информации для построения сегмента КМК “вперед — конструирование реальности”. И при ответах на эти вопросы в полученных нарративах также проявляются лингвоконфликтологические индикаторы идентичностей.

1. “Каким Вы видите будущее государства?”, “Каким Вы видите будущее своего этноса, своей этнической группы?” (при исследовании этнических идентичностей) и др.
2. “Какие конфликты могут быть в ближайшем будущем наиболее опасны, а какие полезны и нужны обществу?”

В полученных ответах важны лингвистические характеристики во всех их грамматических, семантических и прочих оттенках, характерные номинации затем при интерпретации эмпирического материала вносятся в соот-

ветствующий сегмент метакарты языка конфликта. При интерпретации полученного текстового материала они раскладываются также по шкале “внутри—вовне”.

Стимулировать возникновение нарратива можно не только вопросом о событиях, но и вопросом о понятиях, связанных с конфликтом интерпретаций. Например, при изучении идентичностей крымских татар вопрос о том, что понимать под коренным населением, с какими историческими корнями это должно быть связано и нужно ли легитимировать это понятие, может привести к нарративу о конфликте.

Интерпретируя полученный эмпирический материал, целесообразно использовать элементы процедуры нарратив-конфликтологического контент-анализа: каждый из нарративов структурируется в соответствии со структурно-динамической моделью конфликта (выявляются лингвистические характеристики субъектов конфликта; причин и факторов возникновения конфликта; целей конфликта и т.д.). Важно при этом определить согласованность или противоречивость различных нарративов. Определяется также значимость реализации тех или иных конфликтных интересов и формы воплощения этого в тексте, оценка последствий конфликта и сопряженных с ним событий; особенности лингвистических характеристик оценки конфликта (какие применяются символы, образы, метафоры и т.д.). При этом выделяются номинации не только событий, но и различных участников конфликтных ситуаций, каждая из номинаций помещается в соответствующий сегмент КМК.

При анализе текстового материала используется сочетание морфологического и семантического анализа, особое внимание уделяется когнитивному потенциалу используемых метафор как отображению определенного вектора моделирования социальных взаимодействий. Данные резюмируются в общей КМК. Отдельно могут составляться аналогичные карты для различных социальных групп и общностей, определяя границы идентичности при обращении к истории и прошлому, будущему, вовне и внутрь.

В представленном варианте построения КМК языка конфликта представлен, прежде всего, как средство интерпретации. При построении карты языка конфликта как средства коммуникации необходимо использовать иную стратегию. Анализируются прежде всего конкретные ситуации, преимущественно методом включенного наблюдения, а также дневники, письма и другие текстовые документы, дающие представление о специфике речевого поведения в различных ситуациях тех или иных социальных групп и общностей.

Анализ характеристик языка конфликта как средства выражения толерантности или враждебности, доверия или недоверия, а также выявление изменений языковых характеристик конфликтного поведения различных социальных групп в условиях перехода от советских к постсоветским идентичностям, учет особенностей языка конфликта как средства межкультурной коммуникации в социальных технологиях, — все это расширяет возможности эффективного управления конфликтными и интеграционными процессами в современном обществе. Для определения этих и других характеристик целесообразно построение метакарты языка конфликта при осуществлении конфликтологической экспертизы.

Выводы

Лингвоконфликтологический подход к анализу коммуникативных процессов раскрывает новые интерпретационные поля, позволяет обнаружить дополнительные скрытые смыслы, факторы формирования индивидуальных стратегий, понять мотивы определенных поступков, выявить конфликтологические истоки кризиса идентичности и т.д. Характеристики конфликта, скрывающиеся в тексте, служат показателем как внутренних, так и внешних трансформаций, как индивидуальных, так и социальных. Важным моментом при этом является раскрытие различных образов конфликта, кроющихся в разных текстах, а также трансформации образа конфликта в одном тексте, отображающей динамику ценностного восприятия социальной и индивидуальной жизни. При осуществлении конфликтологической экспертизы необходимо дополнение качественного контент-анализа другими методами анализа текстов (такими, как инвент-анализ, нарративный и дискурсивный анализ и др.). Оптимальное взаимодополнение методов можно найти в рамках лингвоконфликтологического подхода к исследованию коммуникативных процессов.

В методике построения метакарты языка конфликта отображается лингвоконфликтологический подход к исследованию, позволяющий использовать язык конфликта как исследовательский код и, рассматривая конфликт как систему структурных коммуникаций, через структурно-морфологические элементы конфликта выявлять лингвистические характеристики социальной реальности.

Таким образом, с одной стороны, качественные методы раскрывают дополнительные возможности исследования конфликтности, а с другой — конфликтологическое знание и практики конфликтологической интерпретации, применяемые в социологическом исследовании, расширяют возможности получения социологической информации с применением качественных методов, повышают надежность полученных результатов.

Литература

1. *Abell P.* Some Aspects of Narrative Method // *Journal of Mathematical Sociology.* — 1993. — № 18 (2–3). — P. 37–41.
2. *Хогенраад Р.* Прогнозирование развития конфликтов при помощи компьютерного контент-анализа // *Социология: 4М.* — 2004. — № 19. — С.158–175.
3. *Шалак В.И.* Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. — М., 2004.
4. *Костенко Н., Иванов В.* Досвід контент-аналізу: моделі та практики. — К., 2003.
5. *Кожевникова Г.* Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы. — М., 2004.
6. *Готлиб А.С.* Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : Учебное пособие. — М., 2005.
7. *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М., 1998.
8. *Козина И.* Особенности стратегии case-study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // *Социология: 4М.* — 1995. — № 5–6. — С. 65–90.

9. Биографический метод / Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семеновой В.В. — М., 1994.
10. *Даниленко О.А.* Социологическое измерение конфликта. — Харьков, 2003.
11. *Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод / Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семеновой В.В. — М., 1994.
12. *Даниленко О.А.* Трансформационные процессы: лингвоконфликтологическая интерпретация // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харків, 2004. — С.104–108.
13. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. — М., 2001.
14. Современный городской фольклор. — М., 2003.
15. *Мещеркина Е.Ю.* Качественные методы в гендерной социологии // Гендерный калейдоскоп : Курс лекций. — М., 2002. — С.169–187.
16. *Квале С.* Исследовательское интервью. — М., 2003.
17. *Даниленко О.А.* “Грамматический метод” Ойгена Розенштока-Хюсси и технологии разрешения социальных конфликтов // Вестник Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина. “Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы”. — 2004. — № 621. — С.89–95.
18. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. — М., 1992.
19. *Иванов В.Ф.* Контент-анализ как формализованный метод исследования // Философская и социологическая мысль. — 1994. — № 3–4. — С. 211–224.
20. *Шмид В.* Нарратология. — М., 2003.
21. *Пропт В.Я.* Морфология сказки. — М., 1969.
22. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. — М., 1994.
23. *Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Семносфера. — СПб., 2004. — С. 462–484.
24. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М., 1995.
25. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве “своих” и “несвоих” групп и сообществ (1999–2002) : Мастер-класс профессора В.А.Ядова. — М., 2004.
26. *Данилова Е.Н.* Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ : Учебное пособие. — М., 2005.
27. Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения : Материалы Всероссийского научно-методического семинара / Под ред. О.А.Оберемко и Л.Н.Ожиговой. — Краснодар, 2004.